

ТОМАС НИДЕРВАЛЬД

Рождественские истории

Сказка в одиннадцати главах
с иллюстрациями

ЛОНДОН · 1864

6+

Томас Нидервальд

Рождественские истории

«Автор»
2026

Нидервальд Т.

Рождественские истории / Т. Нидервальд — «Автор», 2026

Зима 1864 года. Весь Лондон готовится к Рождеству, а на Пудинг-лейн пахнет малиной и тёплым молоком. Богатые дамы, съев леденцы мистера Кэндиса, молодеют. А бедные дети, которые только нюхают их у витрины, — седеют и кашляют, как старики. Посыльный Том Пиклз, его друг Кристофер, дядя-сыщик и мальчик, замёрзший тридцать лет назад, должны успеть до Сочельника.

© Нидервальд Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Канун Рождества 5
Глава вторая. Кондитерская на Пудинг-лейн 7
Глава третья. Семейство Пиклз 9
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Томас Нидервальд
Рождественские истории

Глава первая. Канун Рождества

Давным-давно, в те времена, когда по Лондону ещё ездили конные омнибусы — большие общие кареты, вроде автобусов, только с лошадьми, — а газета стоила один пенни, одну медную монетку, в город пришла зима тысяча восемьсот шестьдесят четвёртого года.

Она пришла ночью, тихо, как кошка. А утром Лондон проснулся белым. Снег лежал на крышах, на трубах, на шляпах каменных королей у собора Святого Павла. Мороз нарисовал на окнах пальмы, перья и папоротники. Хотя никто в Лондоне никогда не видел, чтобы папоротник рос на стекле.

До Рождества оставалось три недели. И весь город начал готовиться.

В деловых кварталах, где стоят банки и Биржа, господа в цилиндрах, высоких шляпах-трубах, покупали гусей. Хороший гусь стоил семь шиллингов — семь серебряных монет. Господа платили и не глядя совали сдачу в карман. Дамы в мехах выбирали в лавках шёлковые ленты и фарфоровых кукол. Кукла с настоящими ресницами стоила целый фунт — двадцать шиллингов. Это больше, чем прачка зарабатывает за две недели.

А за Лондонским мостом, в бедном Саутварке, тоже готовились к празднику. Там гусей не покупали. Там на гуся копили. Весь год, по два пенса в неделю, в жестяной банке на полке. И когда в декабре банку открывали, это было почти так же весело, как само Рождество.

В Лондоне на Рождество у всех одинаковый мороз. Но шубы у всех разные.

Впрочем, радовались морозу все. Мальчишки раскатывали на мостовой длинные ледяные дорожки и летели по ним с разбегу, раскинув руки. Девочки лепили снеговиков с угольками вместо глаз. На перекрёстках пели церковные хоры: «Радуйтесь, люди добрые!» А дама в чёрном с кружкой просила: «Подайте сироткам на тёплый угол! Подайте на Рождество!»

Снег лежал на крышах, на трубах и на шляпах каменных королей. До Рождества оставалось три недели.

Но больше всего в ту зиму Лондон говорил о кондитерской на Пудинг-лейн.

Пудинг-лейн — это узкая улочка в самом сердце Сити. Над ней стоит высокая каменная колонна — Монумент. Её поставили в память о Великом пожаре: когда-то, двести лет назад, на этой улочке у пекаря загорелась печь, и сгорел почти весь Лондон. С тех пор пекари на Пудинг-лейн очень осторожны с огнём.

Кондитерская стояла в середине улочки. Над дверью висела вывеска с золотыми буквами: «Э. Кэндис. Леденцы, марципан, засахаренные фиалки». А над вывеской — круглые часы.

Эти часы были первой странностью. С начала декабря они шли назад. Стрелки ползли от двенадцати к одиннадцати, от одиннадцати к десяти. Часовщик с соседней улицы трижды их чинил. И трижды, стоило ему спуститься с лестницы, они снова начинали пятиться, как рак.

— Часы, которые идут назад, — сказал часовщик, — показывают время не хуже остальных. Просто не то время.

И ушёл, потому что за починку ему всё равно заплатили.

А второй странностью был запах.

Глава вторая. Кондитерская на Пудинг-лейн

Каждый день, ровно в четыре часа, когда на улице начинало темнеть, из кондитерской выплывал запах.

Пахло жжёным сахаром и малиной. Апельсиновой коркой и мятой. Тёплым молоком, которое пьют на ночь, когда тебе пять лет и мама сидит рядом. Запах тёк по улице, как невидимая река. Он сворачивал за угол, переходил Истчип, поднимался к Монументу. Говорили, что его чуют даже на Лондонском мосту.

В витрине кондитерской стояли стеклянные банки. А в банках лежали леденцы. Алые, как снегири. Лимонные, как фонари. Мятные, как лёд на пруду, если смотреть сквозь него на солнце. Фиалковые и розовые. Они светились даже в сумерках, будто внутри у каждого горела маленькая свечка.

Леденцы были двух сортов. Простые, в банке у двери, стоили два за пенни. А в середине витрины, на бархатной подушке, стояла коробочка с надписью: «Утро. Вкус детства. Один шиллинг».

Один шиллинг за один леденец! На эти деньги можно было купить почти два больших хлеба. Но богатые дамы приезжали за «Утром» в каретах и брали коробками. И вот что удивительно: дамы, которые ели эти леденцы, выглядели всё моложе. У одной разгладились морщинки. У другой поседевшие волосы снова стали рыжими. Третья, говорили, после рождественской коробки выкинула очки.

Бедные дети леденцов «Утро» не ели. У бедных детей не было шиллингов. Зато у них были носы.

И каждый вечер в четыре часа у витрины собиралась толпа. Подметальщики улиц с мётлами. Продавцы спичек с лотками. Маленькие посыльные, мальчишки-газетчики, девочки, которые продают кресс-салат. Они прижимались к стеклу так, что носы становились белыми и плоскими, как пуговицы. И дышали. Глубоко-глубоко. Потому что запах был бесплатный.

А напротив кондитерской, у стены, сидела на трёхногом табурете слепая старуха.

Она была крошечная, сгорбленная, в чёрной шали и сером платке. Оба глаза у неё были белые, как молоко в блюдце. В руке она держала жестяную кружку. Ей подавали редко: на Пудинг-лейн все спешили. Но старуха не обижалась. Она сидела, поводила длинным носом и бормотала себе под нос:

— Детки-конфетки… Детки-конфетки…

Будто считала.

Дети прижимались к стеклу так, что носы становились белыми и плоскими, как пуговицы. А напротив сидела слепая старуха и бормотала: «Детки-конфетки…»

В четверть пятого на улицу приходил фонарщик, мистер Уик. Он ставил к фонарю лестницу, поднимался и зажигал газовый рожок — фонарь, в котором горел газ, — длинным шестом с огоньком на конце. Мистер Уик выглядел очень старым: седая щетина, худые щёки, спина колесом. И пока он поднимался по лестнице, он всегда пел одну и ту же песенку. Тихо и хрипло, будто для себя:

Сладкий дух — не для бедных носов,

не дыши у чужих леденцов:

кто вдохнёт — тот отдаст свой год

и седым к Рождеству придёт.

Дети слышали и смеялись. Песенка была смешная и непонятная. Как можно отдать год? Год — это ведь не пенни. Его в карман не положишь.

И только слепая старуха, когда мистер Уик пел, переставала бормотать. Она поворачивала к нему белые глаза. И улыбалась — так, как улыбаются, когда кто-то говорит правду не вовремя.

Глава третья. Семейство Пиклз

Среди детей у витрины часто стоял мальчик по имени Томас Пиклз.

Фамилия «Пиклз» по-английски значит «солёные огурчики». А ещё так говорят про того, кто влип в переделку. Томасу Пиклзу эта фамилия подходила и так, и этак. Он был колючий, как огурчик, и вечно во что-нибудь влипал.

Тому было одиннадцать лет. Он был худой и веснушчатый. Рыже-каштановые вихры торчали у него из-под серой кепки — отцовской, великоватой, она всё время сползала на нос. Куртка была в заплатках, и рукава давно стали коротки. На шее у Тома был длинный красный шарф. Мама связала его из своего старого свитера, и Том им очень гордился, хотя никогда бы в этом не признался.

Ещё у Тома были большие башмаки. Они достались ему от старшего брата Неда. У правого отставала подошва и, когда Том бежал, шлёпала по мостовой: шлёп-шлёп, шлёп-шлёп. По этому звуку Тома узнавали издалека.

Том работал посыльным. Целыми днями он бегал по Сити: отнести письмо в контору, пакет в банк, записку в лавку. За каждое поручение — один пенни. Если повезёт и день хороший, выходило шесть-семь пенсов. Если плохой — два. Пенни Том носил в левом кармане и всё время пересчитывал пальцами: раз, два, три. Это было приятно, как гладить кошку.

А в свободное время он гонял с мальчишками во дворе, кидался снежками и дрался. Дрался Том не со зла, а от любопытства. Ему было интересно, кто сильнее.

Жили Пиклзы в Саутварке, за Лондонским мостом, во дворе возле кожевен. Двор назывался Тэннери-корт, и пахло там дубовой корой и мокрой кожей. У Пиклзов были две комнаты на втором этаже. Четыре шиллинга в неделю.

В этих двух комнатах жили девять человек.

Мама, Марта Пиклз, была прачкой. Она стирала чужое бельё с утра до ночи, и руки у неё были красные, как варёные раки. Она носила синий платок и всегда закатывала рукава. За день стирки ей платили шиллинг и шесть пенсов. Мама говорила: «Чужое сладкое горше своего хлеба». Том не очень понимал, что это значит, но звучало правильно.

Папа, Джо Пиклз, был столяр. Большой, с чёрной бородой, в кожаном фартуке, с карандашом за ухом. Он смеялся так громко, что в буфете звенели чашки. Папа делал стулья, полки и шкафы для богатых домов. А дома у Пиклзов стояли только табуретки — их папа делал из обрезков.

Ещё были дети. Лиззи, четырнадцать лет, — мамина помощница, с вечно мокрыми от стирки руками. Нед, тринадцать, — работал в доках и приходил домой пахнущий рекой. Потом Том. Потом близнецы Сэм и Сид, девять лет, — их никто, кроме мамы, не мог различить. Потом Полли, семь лет, со светлыми косичками и в красном капоре, шляпке на лентах. И малышка Энни, которой был всего год. Она умела говорить только «дай» и «Том».

На полке над печкой стояла жестяная банка. На ней мама написала углём: «ГУСЬ». Туда весь год кидали по два пенса, когда могли. В банке уже набралось почти шесть шиллингов. До гуся не хватало совсем немножко.

По воскресеньям к Пиклзам приходил дядя Тим.

Колбаски шипели на сковородке, как маленькие змеи. А дядя Тим стучал трубкой по столу: «Сначала факты, Томми. Потом страшилки».

Дядя Тим был мамин брат. Звали его Тимоти Хаунд. «Хаунд» по-английски — это гончая собака. Фамилия ему тоже подходила: дядя Тим служил сыщиком в Скотленд-Ярде, в лондонской полиции. Он был высокий и худой, в длинном коричневом пальто и котелке — круглой жёсткой шляпе. У него были пышные каштановые усы, длинный нос и трубка. Трубку он не курил, а только жевал, когда думал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.